

По поводу структурных и семантических особенностей инверсии было высказано множество мнений, каждое из которых отражает какую-то особенность этого построения: а) главное и придаточное предложения меняются ролями, так что логические и синтаксические связи не совпадают, а противопоставляются¹; б) придаточное содержит основную информацию предложения, рему²; в) главное служит для уточнения события, описанного в придаточном, с точки зрения его протекания во времени³; г) происходит взаимное подчинение частей, так что неясно, где главное, а где придаточное⁴; д) сложноподчиненное предложение приближается или даже превращается в сложносочиненное⁵.

Сложноподчиненные предложения с инверсией стилистически отмечены как эфатические⁶. В них всегда возможна пермутация придаточного и главного со снятием стилистической отмеченности: *Porta was rolling on the runway and Dave was on final approach when I heard Harry and the control tower calling (Coppel)* → *I heard Harry and the control tower calling when Porta was rolling on the runway and Dave was on final approach*. При пермутации с союзом *before* утвердительная форма главного предложения меняется на отрицательную и наоборот: *I hadn't been there ten minutes before a persistent buzzing struck my ear (Cronin)* → *A persistent buzzing struck my ear before I had been there ten minutes*.

Кроме этих двух содержательных свойств, инверсия имеет еще два формальных признака: обязательная постпозиция придаточного и особая интонация, которую Е. Эдгрэн описывает как два отдельных интонационных контура⁷. Однако эти формальные маркеры инверсии не имеют большого дифференцирующего значения. Постпозиция — это обычное, наиболее частотное положение придаточных с союзами *when* и *before* без инверсии, а интонация сама по себе не дискретна: в одной интонации предложения налагаются друг на друга различные смысловые задания; в письменном тексте интонация не обозначена.

Приводят и другие лингвистические маркеры инверсии. А. К. Федоров отмечает, что в инвертированных предложениях невозможно задать обычный вопрос от главной части к придаточной, но появляется возможность направить вопрос от придаточной части к главной, поскольку она модифицирует основную мысль, выраженную в главной части⁸. А. Н. Суровцев предлагает пермутационный эксперимент⁹, приведенный нами выше: *Когда заря уже занялась, он возвратился домой* → *Заря уже занялась, когда он возвратился домой*.

Добавим еще один формальный критерий. Известен так на-

зываемый закон Глитман: личное местоимение, допустимое обычно только после кореферентного существительного, может употребляться не анафорически, а катафорически только в составе препозитивного придаточного предложения¹⁰: If I could have hoped to train *him*, I would have bought a *Lion* instead of that dog... (Dickens); And then as suddenly as *they* attacked the *Apaches* vanished (Arnold). В. Г. Как расценивает катафорическое личное местоимение как отстоявшееся средство подчинения в формальном аппарате гипотаксиса¹¹. Наши наблюдения показали, что при инверсии главное предложение может содержать катафорическое личное местоимение к кореферентному имени в постпозитивном придаточном: The sun was directly above *his* head when Deerslayer landed (Cooper). Таким образом, по закону Глитман, придаточное превратилось в главное предложение, а главное — в придаточное.

Возникает вопрос: в каких условиях происходит инверсия? Мы имеем в виду «собственно инверсию» без коррелирующих элементов по *sooner*, *hardly*, *scarcely*, *barely* в главном предложении, так как в этом случае эффект инверсии постоянный, а значит, нет инверсии как отклонения от нормы¹². «Собственно инверсия» имеет место в пяти случаях, и все они связаны с необычным соотношением содержания, особенно временных планов, между главной и придаточной частями. Эта необычность объясняет ту легкость, с которой носители языка и изучающие язык опознают инверсию¹³.

1. Если в сложноподчиненном предложении с союзом *when* передается одновременность двух событий, то обычно они совпадают по времени или событие в придаточном охватывает событие в главном. Если же, наоборот, событие в главном предложении служит фоном для более кратковременного события в придаточном, то возникает необычное соотношение временных планов, при котором легко развивается инверсия, напр.: ... she was driving the car *when* the accident happened (Rinehart); I was in my room *when* Fritz came running in (Holt). В этом случае инверсия служит для передачи неожиданного, драматического события на фоне длительного действия, которое оно прерывает. Для главного предложения характерным является длительный вид глагола, а для придаточного — недлительный таких глаголов, как *come*, *hear*, *see*, *notice*, *feel*, *say*, *happen*. Лексический состав придаточного отражает внезапность и неожиданность события (*suddenly*, *out of a blue sky*), а в главном употребляется часто *just* и обстоятельства, передающие период времени, напр.: I was just coming out from the studio on my way to the canteen, *when* I turned a corner rather sharply, and ran slap into her (Marcus); We had been th this for what seemed only minutes *when* I pulled my trigger... (Coppel).

2. При передаче разновременности обычно придаточное обозначает предшествующее событие. Если же постпозитивное

придаточное имеет значение последующего события, то создаются условия для инверсии. Это самый редкий случай инверсии: I'd just put the phone *when* the door bell rang (Murdoch and Priestley); He had just stepped from the lamplit pavement into the shadow of a tree, *when* he tripped over something and went sprawling... (Priestley). Для главного предложения характерна перфектная форма глагола-сказуемого. Н. Ф. Иртеньева подчеркивает, что словоформа Past Perfect имплицитно подразумевает, второстепенный характер события в главном предложении и создает антиципацию какого-то важного события в придаточном¹⁴, которое следует немедленно за событием в главном предложении¹⁵. С перфектом часто употребляются наречия *just* и *already*.

3. Третий случай связан со вторым. Их можно даже объединить, так как здесь в главном предложении называется действие, которое должно было предшествовать событию в придаточном, но не имело места. Суммарный смысл этих довольно частотных сложноподчиненных предложений — прерванное действие и неосуществленная интенция. Непроизошедшее событие маркируется следующими лексико-грамматическими индексами: отрицанием: She had not yet gone to bed *when* Tony came carefully into the room (Rinehart); эквивалентом фазовых глаголов to be about: Devereaux was about to swing on the wing-ladder *when* a jeep skidded to a stop... (Coppel); целевым инфинитивом: She was crying and raised her hand to hit him *when* he caught her by the wrist (Coppel); выражениями типа on the verge: Eyes watering, he was on the verge of cutting himself a chew of tobacco *when* he stopped listening (Bradbury). В третьем случае употребляется также союз *before*: He hadn't finished the word *before* her hand struck him across the cheek... (Coppel).

4. Главное предложение обозначает период времени, который прерывается событием в придаточном. Период времени может передаваться косвенно, через локальное обозначение или через действие в развитии. Остальные компоненты содержания главного в данном контексте несущественны, так как они либо повторяют ранее сказанное, либо вытекают из него: I cut out into traffic and turned back away from the Embarcadero. We went a good half-mile *before* she spoke again (Robbins); We had only been married five years *when* he died (Christie). They had not been gone from the inn very long *when* the wicked Earl of Doorn came hammering at the door... (Blyton). В четвертом случае инверсия не выражена ярко, но если событие в главном представляется как незаконченное, то эффект инверсии усиливается: He had not been back in his room five minutes *before* Maitland came in... (Cronin). Как видно из примеров, в этом случае распространены союзы *when* и *before*. Отрицание в главном предложении потеряло свою силу и передает незавершенность события.

5. Пятый случай обычно к инверсии не относят, так как он лишен стилистической отмеченности, значений неожиданности и прерванного действия. Этот случай можно назвать «логической инверсией», связанной с тем, что главное предложение передает всего лишь временную характеристику события в придаточном, т. е. основная информативная нагрузка ложится на придаточное. Очевидно, именно это Б. А. Ильиш имел в виду под «эмансипацией придаточного предложения»¹⁶. Если в перечисленных четырех случаях возможна трансформация пермутации главного и придаточного, то в пятом главное предложение можно заменить на обстоятельство времени: *I think it was about twenty minutes to seven when Mrs. Argyle came into the library (Christie) → Mrs. Argyle came into the library at about twenty minutes to seven.* Время указывается обычно выражениями *it is six o'clock; it is late, it is evening.* Кроме союза *when* могут употребляться временные союзы *before, since —* реже *until, till.*

Сложные предложения с коррелирующими наречиями *sooner, hardly* и т. д. передают быструю смену событий в главном и придаточном предложениях, неполную завершенность действия в главном и вторжение действия в придаточном, хотя момент смены действий не фиксируется¹⁸. Эти предложения можно преобразовать в сложноподчиненные предложения с союзами *as soon as, immediately, the moment, the instant* и т. д., но при этом они теряют сему неожиданности для говорящего.

Весьма распространено мнение, что сочетания *hardly — when* и другие превратились в парный союз, вряд ли может быть принято, так как первый компонент обычно расположен не в начальной позиции в первой предикативной единице, а после подлежащего или между частями сказуемого.

В синтаксических работах по русскому языку вопрос об инверсии разработан более тщательно, чем в англистике, и ее находят не только в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени, но и причины, следствия, условия, цели и уступки¹⁹. В английском языке инверсия также не ограничивается только темпоральными сложноподчиненными предложениями.

Вопрос об инверсии в сложноподчиненном предложении должен быть исследован более подробно, но уже сейчас можно провести некоторые обобщения.

В чем же заключается сущность инверсии? Какой коммуникативный заказ она выполняет? Обычно основное содержание сложноподчиненного предложения заключается в главном предложении, а придаточное времени передает один из сирконстантов основного события. При инверсии придаточное часто содержит более важную мысль, чем главное²⁰.

Наши наблюдения над большим массивом материала (10 000 примеров) показали, что инверсия приводит к рематизации

постпозитивного придаточного предложения. Вот характерный пример: Benard was no more than laid to rest when — but I shall spare you the suspenseful details! — Let me say immediately that before the month was out, only five days ago, *I consented to become the wife of a Mr. Robb Duale Tilly...* (Coleman). В главном предложении обычно много местоименных анафорических элементов, характерных для тематических единиц, напр.: *Hardly had he done so when he pushed himself off the wall...* (MacLean). Отсюда понятно и коммуникативное назначение этого древнего синтаксического построения, распространенного во всех европейских языках. Оно является средством когезии текста. Почти во всех засвидетельствованных примерах тематическое главное предложение повторяет полностью или частично содержание предшествующей части текста, а в придаточном содержится новая информация. Главное предложение имеет функцию ретроспекции. Например, в одной главе участник описываемых событий по имени Нам уходит, а следующая глава начинается предложением с инверсией: *Ham had been gone for over two hours when for the second time that night Pete heard pounding at his door...* (Johnson).

Часто главное предложение содержит уточнение или непосредственное следствие из предыдущего текста, не имеющее значительной информативной ценности, обогащающей повествование: ... he turned to take his leave. *His hand was on the door knob when Deborah's voice stopped him* (Coleman); Around dusk, the tired officers gathered in the wardroom for dinner and *were just settling down* when a violent explosion was heard (Di Mona).

Таким образом, только грамматика текста объясняет причину и сущность инверсии. Расхождение между логикой и грамматикой проявляется в том, что новая мысль начинается не с новой главы, не с красной строки и даже не в новом предложении, а внутри предложения. Инверсивные сложные предложения могут служить пограничными сигналами членения текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М., 1956.

² Напр.: Ilyish B. The structure of modern English. М.; Л., 1965. Р. 305.

³ Напр.: Edgren E. Temporal clauses in English. Uppsala, 1971. Р. 26.

⁴ Напр.: Nosek J. Contributions to the syntax of the new English complex sentence//Acta Universitatis Carolinae. 1966. Р. 17.

⁵ Напр.: Kобрина Н. А., Корнеева Е. А. An outline of modern English syntax. М., 1965. Р. 137—138.

⁶ Иргеньева Н. Ф. Прошедшее время перфекта как элемент стиля в языке художественной литературы//Исследования по прошедшим временам глагола в английском языке. М., 1960. С. 9.

⁷ Edgren E. Op. cit. Р. 176.

⁸ Федоров А. К. Трудные вопросы синтаксиса: Пособие для учителей. М., 1972. С. 177.

⁹ Суровцев А. Н. К вопросу о сложных конструкциях с взаимоподчинен-

ными придаточными предложениями: Учен. зап./Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1958. Т. 173. С. 37; см. также: *Sechehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase.* Paris, 1926. P. 202.

¹⁰ *Gleitman L. K. Coordinating conjunctions in English/Language*, 1965. Vol. 41. No. 2. P. 274; ср.: *Dik S. C. Coordination: Its implications for the theory of general linguistics.* Amsterdam, 1968. P. 36—37; *Chomsky N. Language and mind.* New York, 1972. P. 45—46; *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A university grammar of English.* М., 1982. P. 98; *Левинский Ю. А. Проблемы сочинения.* Пермь, 1980. С. 28. Кстати, до Л. Глитмана мы находили эту закономерность у *З. Хэрриса (Хэррис З. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре//Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 588).*

¹¹ Языковая номинация. (Общие вопросы). М., 1977. С. 288.

¹² Вряд ли целесообразно отрывать модель по *sooner — than* от моделей *hardly — when, scarcely — before*, как это делает Е. Эдгрен на том основании, что *than* не является темпоральным союзом. Все эти модели объединяются функционально, по строению и экспрессивно-стилистической нагрузке.

¹³ Уже ученики старших классов и даже слабые студенты вуза замечают что-то необычное в инвертированных темпоральных предложениях.

¹⁴ *Иргеньева Н. Ф. Указ. соч. С. 9—10.*

¹⁵ *Винокурова Л. П. Грамматика английского языка.* Л., 1954. С. 321.

¹⁶ *Ilyish B. Op. cit. P. 303.*

¹⁷ В немецком языке *Е. В. Гулыга* отмечает инверсию у союза (Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971. С. 96).

¹⁸ *Nosek J. Studies of Post-Shakespearean English adverbial clauses//Acta Universitatis Carolinae.* 1959. No. 2. P. 26.

¹⁹ *Федоров А. К. Указ. соч. С. 177—181; Его же. Система подчинительных союзов в современном русском языке (Проблема взаимосвязи значения союза и структуры сложного предложения): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1972. С. 6—15.*

²⁰ *Rynell A. Parataxis and hypotaxis as a criterion of syntax and style, especially in Old English poetry Lunds Universitets Arsskrift, Ny Följd. Lund, 1952. Bd. 48. P. 12—16.*

Т. А. Знаменская
(Свердловск)

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЕКСТЕ

Анализ функционирования сложноподчиненного предложения показывает большое разнообразие форм, которыми оно может быть представлено в тексте. Цель данной статьи — выявление и описание тех внутренних и внешних лингвистических условий, которые определяют структуру и семантику сложноподчиненных предложений (СПП) и влияют на своеобразие их функционирования в тексте. К общим лингвистическим условиям относится тип текста — повествовательный или диалогический. Так, по сравнению с повествованием в диалогической речи СПП функционирует с большим разнообразием форм своего состава. Если в повествовании оно, как правило, характеризуется цельноформленностью и полнотой состава, то в разговорной речи соотношение частей и значимость их участия в диалоге имеет свои особенности, зачастую невозможные для СПП в повество-